

БОЛЬШОМУ КОРАБЛЮ— БОЛЬШОЕ ПЛАВАНИЕ

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

Когда мы думаем об академическом театре имени Пушкина, то перед глазами даже тех, кто не бывал в Ленинграде, возникает гармоничное, легкое и величественное здание, увенчанное квадригой Аполлона. Оно существует в сознании как одна из цитаделей отечественного искусства. Со сценой этого театра связаны начало и великие вехи русского драматического искусства — имена Сосницкого, Каратыгина, Мартынова, Стрельцова, Савиной, Комиссаржевской, Варламова, Давыдова. В этом доме закладывались основы советского реалистического театра, совершались многие его открытия, отмеченные талантами Корчагиной-Александровской, Митуриной-Самойловой, Юрьева, Цепцова, Черкасова, Симонова... И сейчас в искусстве выдающихся мастеров и молодых актеров продолжают славные традиции.

В течение месяца Ленинградский театр имени Пушкина играл свои спектакли в Москве, и московские зрители вновь горячо встретили старого своего друга.

Встреча с театром начинается с его афиши. И она свидетельствует о верности пушкинской сцены классике — Островский, Гончаров, Шекспир; живой современности — пять спектаклей о жизни советских людей.

Как и прежде, Ленинградский театр имени Пушкина дорог искусством его актеров. Имена Борисова, Толубеева, Меркурьева, Горбачева, Ургант, Лебзак, Фрейндлиха включают в себе притягательную силу, участие этих актеров в спектаклях всегда таит ожидание яркого в искусстве.

Действительно, в череде гастрольных спектаклей мы увидели немало нового, порадовались искусству прославленных артистов и щедро одаренной молодежи. Театру удалось сыграть остро современный спектакль о сложных проблемах, с которыми встречаются порой люди деревни наших дней, на материале довольно схематичной пьесы Л. Моисеева «Иней на стогах». В «Горячем сердце» А. Островского громко про-

звучал — что редко бывает — мотив, заключенный в названии знаменитой комедии. Жизнелюбие, душевная энергия и чистота, стремление к воле ощутимы в Параше — В. Паниной. А рядом — необычные, нетрадиционные Градобоев — Ю. Толубеев, Курослепов — В. Меркурьев. Содружество старших и совсем юных артистов сказалось и в «Сказках старого Арбата» А. Арбузова. Трудно признать полную победой театра спектакль «Ночью без звезд» А. Штейна, но в сцене, когда человек трудной судьбы, кораблестроитель Озаровский в исполнении И. Горбачева сбрасывает с себя зачитывавшую иронию и открывает свои подлинные чувства, — актер достигает большой драматической силы.

Можно было бы говорить и о других актерских удачах, о традиционной спенической культуре театра. Наконец — и это очень существенно — о глубоком зрительском интересе к ленинградским спектаклям в Москве. Но дружные заслуженные аплодисменты и искренние поздравления не должны, как мне кажется, заглушать тех мыслей, которые возникают при новой встрече с театром. Об этом надо говорить, потому что театр имени Пушкина сам определил тот высший счет, с которым только и можно относиться к его творчеству.

При всем разнообразии репертуара замечаешь, что в отражении советской действительности театр не всегда берет решающие проблемы духовной жизни современника, что он вопреки своим критериям нередко снижает требования к художественной ценности пьес.

Конечно, хорошо, что, поставив первую пьесу Л. Жукотинского «Справедливость мое ремесло», театр не расстался с молодым автором, решил продолжать с ним сотрудничество. Однако ведь очевидно, что новая пьеса — «Одни, без ангелов» — не только схематична, но откровенно иллюстративна. И досадно, что академический театр смирился с этим и в известной мере даже усугубил слабости пьесы.

Ее главный герой — врач Сергей в исполнении Э. Романова — не более чем искусственный знак самоотречения человека, поглощенного мыслью о победе над болезнью, угрожающей людям. Герой, который по замыслу, видимо, должен был выразить высокий гуманизм советского человека, обернулся сухим и рациональным эгоистом. Как ни старается И. Горбачев мягкостью и человеческой отзывчивостью утешить архитектора Костю, но и в этом образе ощутима назидательная демонстрация доброты.

Огорчает, что утвержденная знаменитым театром психологическая глубина образа и всего спектакля в целом заменяется сейчас порой прямолинейными тезисами. Задумав обличить, выислать прекрасное, мечтания юного Адуева в «Обыкновенной истории», театр уже в самом начале спектакля прибегает к педантичным, почти пародийным приемам, — так прозвучало чтение пушкинских стихов юными мечтателями. А ведь это лишает судьбу Адуева драматизма, обедняет мысль и современное значение романа Гончарова. В «Сказках старого Арбата», поставленных в чисто бытовом плане, недостаточно глубоко выявлен заключенный в пьесе тютчевский мотив мудрого, гуманистического мироощущения человека на пороге старости.

Дороги духовные ценности, которыми обогатил нас замечательный театр, и тем острее ощущается, что иные его нынешние спектакли лишены гармонической цельности, ясной современной позиции, точного ощущения жанровой природы произведения. Даже те, где есть бесспорные актерские удачи. Так случилось с «Горячим сердцем», из которого ушла страшная в своем диком буйстве хлыновская стихия, где приглушено социально-сатирическое начало. В резком противоречии с бытовой интонацией актерской игры оказалась претенциозная декорация.

Где же истоки, причины определенных недостатков в искусстве театра имени Пушки-

на на нынешнем этапе его развития? По-видимому, они коренятся в режиссуре. В театре работают опытные и одаренные режиссеры, давно связанные с коллективом, иногда приглашаются молодые постановщики. Но, очевидно, ослабла активность режиссерского поиска, не чувствуется в театре единой художественной воли. Оттого возникают порой отступления от строгого вкуса. Оттого же, вероятно, не полностью реализуются богатые актерские возможности труппы.

Точное ощущение современности, жизнелюбие, мягкость, неожиданная, порой парадоксальная интонация, ироничность — вот черты незаурядного, ни на чей другой не похожего таланта И. Горбачева. Хорошо, когда они проявляются органично. Но бывает и так, что актер просто использует свои данные, свою индивидуальность как безотказное оружие в расчете на привычную реакцию зрителей. Между тем мы недавно, в пору гастролей ленинградского театра, видели на телевидении фильм «Операция «Трест», где И. Горбачев, — ни в чем не поступивший своим, особенным даром, — создал сложный психологический образ, отмеченный идейной глубиной и подлинным артистизмом. Некоторое самоповторение скандывается, на мой взгляд, и в работе Б. Фрейндлиха. Наверное, режиссуре надо подумать о новых творческих задачах, встреча с которыми всегда обогащает актеров. Это относится и к мастерам, и к молодежи, способной, обещающей, но пока только обещающей.

Известно — это не раз декларировалось и мастерами театра, — что пушкинский театр дорог и значителен прежде всего искусством актера. Бесспорно, это так. Однако мне кажется, что верное утверждение не всегда точно толкуется — в какой-то мере сглаживает остроту проблемы режиссуры в современном театре имени Пушкина. Между тем не надо забывать, что лучшие, эталонные спектакли советского времени связаны с именами крупных, оригинальных режиссеров.

В двадцатые и тридцатые

годы театр совершил решающие открытия в художественном осмыслении новой советской жизни («Конец Криворылеска», «Чудак», «Страх»), и эти открытия неотрывны от целеустремленной, энергичной режиссуры Н. Петрова. Незабываемая «Оптимистическая трагедия», спектакль, отмеченный Ленинской премией, в котором с такой силой раскрылись таланты Толубеева, Лебзак, Горбачева, Соколова, поставлен Г. Товстоноговым. Значительную роль в развитии театра сыграл Л. Вильен. Высокие достижения Борисова в «Лесе» и «Пушине» Островского связаны с искусством самобытного режиссера В. Кожича. Мне бы хотелось, думая о перспективах, о будущем театра, воспроизвести признание ветерана пушкинской сцены, в котором заключено глубокое понимание роли режиссера в современном спеническом искусстве.

«Лично мне, — писал А. Ф. Борисов в книге «Из творческого опыта», — работа с В. П. Кожичем доставляет радость как раз тем, что его режиссерская активность почти всегда устремляется во внутрь пьесы, в самые недра духовной жизни героев. Он постоянно фантазирует, сопоставляет, ищет. Его творческая эмоциональность воспламеняет актера, вызывает ответную работу его воображения, убеждает его гораздо лучше всякого рода логических доводов».

Можно с уверенностью сказать, что и сегодня театру имени Пушкина жизненно необходима активная, целеустремленная и эмоциональная режиссура, от которой в большой мере зависит идейная направленность и художественная высота репертуара, гармоническая цельность спектаклей и торжество актерского творчества. Разумеется, только сам театр, его художественный совет и художественная коллегия, в которую входят крупнейшие мастера, могут найти и определить пути преодоления нынешних трудностей.

Ленинградский академический театр имени Пушкина — это не только прекрасная легенда, не только давно сложившийся, ни на кого не похожий творческий коллектив, но громадная ценность советской социалистической художественной культуры. Замечательные традиции, редкостно одаренная труппа — вот что утверждает надежду на то, что театр одержит новые победы в искусстве.

А. АНАСТАСЬЕВ.